

Виолетта Лосева

Ты так хотел, как я боялась

Интим. Безвиз. Ревю

Виолетта Лосева

**Ты так хотел, как я боялась.
Интим. Безвиз. Ревю**

«Издательские решения»

Лосева В.

Ты так хотел, как я боялась. Интим. Безвиз. Ревю / В. Лосева —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-901224-1

Если знакомые считают тебя красивой и неприступной и спрашивают тебя «Как дела?», а потом, не дождавись ответа, начинают говорить о другом, если мужчина, который пытается ухаживать за тобой, не решается прямо сказать, чего же он хочет, если родные жалеют тебя, считая, что при твоей внешности и уме, ты могла бы блистать, но вместо этого жизнь тебя сломала... то, рано или поздно, ты все равно задумаешься, кто еще виноват во всем этом, и, наверняка, найдешь кого обвинить.

ISBN 978-5-44-901224-1

© Лосева В.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Наши дни	6
Глава 1. Середина 90-х. «Ничего у нас с тобой не выйдет, милая»	10
Глава 2. Середина 90-х. «А может, мне просто все надоело?»	18
Глава 3. Середина 90-х. «Там ничего серьезного»	23
Глава 4. Середина 90-х. «Нужно быть полным идиотом»	26
Глава 5. Середина 90-х. «Ниже пояса бывает не только удар»	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Ты так хотел, как я боялась Интим. Безвиз. Ревю

Виолетта Лосева

«А принцессу мне и даром не надо.

Чуду-юду я и так победю...»

В. Высоцкий

© Виолетта Лосева, 2017

ISBN 978-5-4490-1224-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Наши дни

Режиссер нашумевшего веб-сериала Олег Полонский сидел в своем кабинете и лениво просматривал сценарии. Его помощник Веня Поливанов распечатывал очередное творение и еле сдерживал себя, чтобы не покрутить пальцем у виска. Полонский явно перегибал палку.

Ну сколько же можно? Уже было все: драйв, экшн, сопли-вопли, ужасы-кошмары, попаданцы и возвращенцы, легкая ирония и многозначительный подтекст, рваные диалоги, которые хорошо вписывались в любой интерьер, и батальные сцены, которые были неуместны в веб-сериалах, так как стоили сумасшедших денег

Было уже все.

Драматургия страдала. Во всех отношениях. Она вообще имела склонность страдать, эта драматургия. И Полонский прекрасно об этом знал. Но продолжал «трепать нервы» Вене, откладывая в отдельную стопку все, что «не подходит». При этом, «не подходит» звучало, разумеется не так интеллигентно. Полонский не выбирал выражений, когда излагал свое мнение по поводу следующего опуса. Веня давно уже перестал вздрагивать от каждой оценки и, в настоящий момент, тренировал в себе умение убеждать себя в том, что вся ругань Полонского лично к нему, Вене, не относится.

Одним словом, Веня, ничего личного, но ты подсунил мне очередную ерунду, которую ты можешь засунуть себе в одно место. При этом «ерунда» и «одно место» звучали, разумеется, тоже по-другому.

– Это выбросить? – спросил Веня, забирая со стола гения стопку листов.

– Это, как раз, оставь, – ответил Полонский, не поворачивая головы. Веня посмотрел на заголовок.

– Так это же 96-й год! Кому это интересно?

– Мне, – коротко бросил Полонский, – Ты сам это читал?

– Просматривал.

– Значит прочитай.

– Так это же даже не сценарий, а повесть какая-то. Или роман. Текст неплохой, но... никакого куража. Просто жизнь нескольких людей.

– Вот я и хочу показать просто жизнь нескольких людей. В то время.

Несмотря на то, что Полонский доминировал во всем, Веня оставлял за собой право в некоторых случаях хотя бы попытаться донести свою точку зрения до маэстро. Все-таки сериал – это вам не подкаст, не ролик, не короткое видео, которое можно переснять. Если в самом начале принять ошибочное решение, то потом... все и будет строиться на этой ошибке, и вся твоя гениальность, дорогой Полонский, будет засунута в то место, куда ты мне предлагал поместить сценарий.

– Ты думаешь, тем, кто смотрит веб-сериалы сегодня, будет интересно наблюдать за героями, у которых не было даже мобильных телефонов, не говоря уже об интернете? – спросил Веня, – И потом... Слишком чувствуются отголоски Советского Союза. Заграница – как великое чудо... Стационарные телефоны. Бизнес в зародыше. Компьютер только для распечатки договора. Дефицит. Странный курс валют... Секс, который, как известно, только начал появляться тогда в нашей стране. Я еще понимаю, если бы мы снимали боевик о том времени, какую-нибудь эротическую драму или детектив... А тут...

– Ты не понимаешь! – У Полонского загорелись глаза. Добрым блеском. Веня хорошо отличал блеск глаз Полонского. Иногда глаза загорались недобрым блеском, и Веня знал, что нужно молчать. А такой блеск, как сейчас, говорил о том, что... маэстро захватывала та одержимость, которая и сделала «нашумевшим» предыдущий сериал. И, несмотря на всестороннюю эрудицию, Веня верил, что блеск в глазах Полонского может сделать чудо.

– Ты не понимаешь! – повторил Полонский, – В том-то, как раз, и фокус: я хочу снимать чувства. Я лучше, чем кто-то другой, знаю, что веб-сериал – это, прежде всего, действие, динамика, движение. Но... люди-то остались прежними, несмотря на все девайсы и гаджеты. Отношения между людьми остались прежними: люди также врут и любят, страдают и обижаются, мечтают и завидуют, несмотря на все ваши тренинги личностного роста.

Веня опустил глаза. Полонский знал о его пристрастии ко всяким обучающим программам в этой области, и подсмеивался над этим.

– Вот я и хочу показать, что чувства и ощущения людей – вне времени, какие бы перестройки ни устраивала нам родина. Понимаешь? Любое настоящее, рано или поздно, становится прошлым. И в этом ничего изменить нельзя. Через двадцать лет кто-то будет смотреть на нашу жизнь и думать «фу, как старомодно и примитивно». Это закон природы!

– Ты хочешь снимать веб-сериал о законах природы? Ты думаешь, его кто-то будет смотреть?

– Я буду снимать сериал о людях. Просто кусочек жизни нескольких людей. В антураже середины 90-х. Я покажу из-за чего они трепали себе нервы тогда, и все увидят, что с этим ничего не изменилось и теперь. Непонимание разных поколений, отцы и дети... Смотри: что тогда, что теперь, никакой разницы! Отношения между мужчиной и женщиной... Что, думаешь, ваши тренинги по развитию женственности или по навыкам пикапа что-то изменили в этом?

Ну и, в конце концов, я покажу, что секс и любовь были в нашей стране и тогда. И есть теперь. И будут, надеюсь потом. После нас. И никакой курс валют, твою мать, на любовь и секс не повлияет.

«Твою мать» было лишним в этом монологе, – подумал Веня, забирая стопку листов со стола маэстро, – Ну-ну, посмотрим, что у тебя получится. И чем ты будешь платить зарплату съемочной группе, когда у этого шедевра будет только два зрителя – ты и я...»

– А название? – спросил Веня, – Что это за название? 1996-й год?

Полонский сидел за столом с довольным видом и играл мускулами, которые, как известно, у гениев размещаются в голове.

– А название, Вень, название?

Ну куда оно годится?

Ты придумаешь другое.

Без проблем найдет нас Гуггл...

«Ну все, – подумал Веня, – раз заговорил белым стихом, бедствие неотвратимо».

– Могу я снять что-то не для коммерции, а для самовыражения? А, чувак? – подмигнул Полонский, продолжая издеваться, но уже с вдохновением, – Вас же этому учат на тренингах личностного роста? И как только люди жили, тогда, в 90-х, без ваших тренингов? Не представляю! А название... Ну возьми что-нибудь, что хорошо откликается в поисковиках. Порно. Эротика. Интим не предлагать... Или что-то из политики. О, сейчас много пишут про безвизовый режим. Чем не название? Кстати...

Глаза Полонского загорелись еще более бешеным блеском.

– Задумывался ли ты когда-нибудь, Веня, о том, что такое безвизовый режим? В широком смысле, Веня, это... пересечение границ без ограничений.

– В широком смысле – да, – пробурчал Поливанов.

– Именно в широком смысле. Мы ведь с тобой мыслим глобально? Правда, Веня? Так нас учат мыслить на курсах по развитию бизнеса, привлечению денежного потока и приобретению счастья в особо крупных размерах? Так вот... мы будем снимать сериал о безвизовом режиме в человеческих отношениях. О границах и препятствиях, которые мы ставим себе вне времени, преодолеваем по мере возможностей и... просто живем. И тогда, и сейчас. Вот

посмотри, занятная статейка. Кстати, автора знаю лично... Это из твоей оперы, Поливанов... О роли секса в личностном развитии. О средствах и способах, в которые ты веришь...

Веня взял в руки несколько страниц.

«...Сегодня мы с вами будем говорить о средствах и способах, с помощью которых можно убедить человека сделать что-то или привлечь на свою сторону. А также, о том, в каких случаях эти средства не работают. От слова «совсем», ни разу.

Как вы увидите, есть средства просто великолепные и работающие в большинстве случаев и ситуаций, но ни одно из них не является и не может являться универсальным...

Когда мы говорим о чем-то, что представляет для нас интерес, мы часто боимся, что нас заподозрят в предвзятости. И это естественно. Каждый знает, что продавец всегда будет хвалить свой товар, о чем бы ни шла речь. Даже если предмет вашего разговора – не товар, а вы – не продавец.

Хотя... Мы уже много говорили о том, что, если воспринимать слово «продавать» в широком значении, то станет понятно, что мы продаем не только товары, но и свои мысли, убеждения, суждения и аргументы. Торговля – это обмен. Следовательно, все, что мы делаем и говорим, можно назвать «продажами».

Но... Вернемся к средствам и способам, которые помогут нам выгодно, не вызывая подозрений, продать то, что мы хотим продать.

Одним из хороших способов отвести от себя подозрения в предвзятости и корысти, является следующий: вы не высказываете прямо свое мнение по поводу предмета вашего разговора или сделки, а ссылаетесь на мнения, слова и суждения других людей. Иногда этот прием называется «Мой друг Джо...» или, по-нашему УБС (умная бабушка сказала) – не путать с ОБС (одна бабушка сказала), – это совсем другой прием.

Одним словом, используем примеры, как только можем.

Вместо того, чтобы убеждать кого-то, что эта модель телефона проста и удобна в использовании, просто скажите, что ваша дочка-первоклассница уже два года пользуется именно этой моделью. С учетом того, как другие вещи у нее в руках просто «горят», это – вполне достойный аргумент в пользу прочности и простоты данной модели.

Если вы – страховой агент, то вы отлично знаете кто из ваших родственников, знакомых, а также известных людей, вовремя «не побеспокоился» или, наоборот, вовремя «побеспокоился» о страховке и что из этого вышло.

Использование мнений, слов и действий таких «незаинтересованных» людей, в принципе, вызывает доверие больше, чем вы думаете.

Вы встречали продавцов кроссовок, которые показывали вам свою ногу и говорили при этом – третий год ношу не снимая, они просто неубиваемые. И все. Вы – в ловушке. Даже если этот продавец не является для вас авторитетом. Даже если до этого вы считали, что эти кроссовки «из последней коллекции». Вот она – нога, продавец и железный аргумент.

Вам кажется, что я смешала в одну кучу сразу несколько приемов? Да, именно так я и сделала. Пример. Наглядность. Непредвзятая оценка. Вот и все. Составьте коктейль из этих трех способов и будет вам счастье.

Счастье?

Помните, в начале статьи я сказала вам, что ни один прием не является универсальным? И, поскольку все самое прекрасное сегодня рождается на стыке разных, порой очень далеких друг от друга, отраслей и областей, то разрешите немного углубиться в область, которая, казалось бы, не имеет ничего общего с продажами и примерами.

Секс!

Да-да, я именно такой автор! Я привлекаю ваше внимание такими способами! А куда же без него?

Вот несколько признаков того, что в сексе у вас не все в порядке.

– *Признак №1: у вас просто нет секса. Здесь, кажется все понятно. Это, действительно, беспорядок.*

– *Признак №2: Вам страшно или вы считаете, что должны делать вид, что вам страшно. На этот счет есть очень хороший анекдот, который я, с удовольствием здесь приведу. Интересная интеллигентная женщина приехала отдыхать в шикарный отель. В первый же день у лифта ее встречает шикарный грузинский мужчина и говорит: «О, какая ты красивая! Я тебя хочу!». Что делают в таких случаях интересные интеллигентные женщины? Да-да, вы правы, именно так. Она подняла глазки к небу и пролепетала: «Ах, что вы себе позволяете? Ах, оставьте! Ах, я вас боюсь!». На следующий день история повторилась. Грузин встретил ее и воскликнул: «Я тебя хочу!», на что она ответила «Ах, я вас боюсь!». Так продолжалось все две недели. В последний день своего пребывания на отдыхе, интересная интеллигентная женщина, неся свой чемодан к лифту, опять встретила этого грузина. Он, увидев ее с чемоданом, воскликнул: «Как? Ты уже уезжаешь? А я тебя так хотел!». Интеллигентная женщина поставила чемодан, поправила очки и вежливо сказала: «Пошел ты на ***, если ты меня так хотел, как я тебя боялась!». Мне кажется, что эта история четко передает всю суть отношений между мужчиной и женщиной. Как вы думаете?*

– *Признак №3: Вы боитесь или стесняетесь отказать в сексе. Боитесь, стесняетесь, не хотите обидеть, опасаетесь, что «в другой раз не позовут», беспокоитесь, что вам «найдут замену».*

– *Признак №4: Для вас является страшным оскорблением, если вам отказывают. Как? Ты меня не хочешь? Да не рехнулся же ты в самом деле! Для многих дам страшнее преступления и придумать нельзя.*

– *Признак №5: «Хочу», «могу» и «давай» могут не совпадать. А вы этого не понимаете...*

– *Признак №6: В одной из статей я уже предлагала вам задать себе вопрос: «А женилась ли я бы на себе?». Так вот, в этой статье я предлагаю вам спросить себя «А захотел (захотела) бы я заняться сексом с собой?» Это не значит, что нужно тут же зафиксировать все свои недостатки и начать их исправлять. Это значит, что, любя себя и свое тело, нужно понимать и принимать несовершенство партнера. Коль скоро уж вы с ним зашли в своих отношениях так далеко.*

Так вот: принимая во внимание все вышесказанное, давайте примем как аксиому: приемы «пример», «наглядность» и «непредвзятая оценка» НЕ РАБОТАЮТ В СЕКСЕ, хоть сами по себе и являются очень действенными приемами.

Даже не пробуйте сослаться на вашего друга Джо или подругу Мери...»

– Ты серьезно? – спросил Веня, – Про безвиз?

– Да, я – серьезно. Пройдет время, и это слово перестанет быть таким популярным в поисковиках. А слово – хорошее. Зудит и звенит. Так пусть же останется в нашем времени, как символ той свободы, к которой мы все всегда стремились и продолжаем стремиться, но которая так навсегда и останется недостижимой по одной простой причине: мы – люди.

После матов и окриков Полонского, последняя фраза звучала несколько высокопарно. Веня поморщился так, чтобы маэстро этого не заметил. Однако мысль о безвизовом режиме в человеческих отношениях, запомнилась.

Глава 1. Середина 90-х. «Ничего у нас с тобой не выйдет, милая»

«Вот и пришло время любви, – с тоскливой иронией подумала Ира, положив трубку на рычаг, – Пора, наконец, прекратить строить из себя примадонну. Будь, как все. Мужчина пригласил тебя поужинать. Не отказывай ему. Ты, практически, одна. Ты, практически, свободна. Будь женщиной. Будь, как все.»

Она устало опустила в кресло. То, что в мыслях два раза промелькнуло «практически», ничего не меняло. Та, именно, «практически». Несмотря на наличие не совсем смягчающих, но немного смущающих обстоятельств в виде мужа Эдика. Практически, уже и не мужа...

Могу я хоть на один вечер выбросить из головы все – работу, родителей, Марину с ее проблемами, Эдика с его занудством? Может быть, из таких вечеров и состоит вся жизнь? В конце концов, кто знает, что именно будешь вспоминать потом. Как улыбался твой ребенок? Как гладил тебя по голове отец? Или как ты засыпала в объятиях мужчины, не думая ни о чем?

И, хотя мужчина, который пригласил ее сегодня в ресторан не был ни любимым, ни молодым, ни красивым, ни привлекательным, он был мужчиной, а ей сейчас до боли хотелось остановиться, перестать воевать, перестать чувствовать себя умнее всех, хотелось быть женщиной. Сидеть в прохладном зале. Пить дорогое вино. Хмелеть и слушать пустой непринужденный разговор. А потом – оказаться в его постели... И чтобы он испытывал чувство благодарности к ней... А она... Она бы чувствовала себя просто женщиной.

Так и случилось.

На столике в ресторане горели две свечи так, что она видела лицо Антона в полумраке – доброе симпатичное лицо, слегка тронутое усталостью, полное внимания и симпатии к ней. Она отвыкла от такого внимания – когда мужчина обращается только к ней, когда все его шутки обращены к ее настроению, когда каждое его слово предполагает подтекст.

Им обоим было ясно, чем закончится этот вечер. И они, хотя и по-разному, но оба хотели этого. Возможно Антон был бы так же мягок и внимателен к любой другой женщине, оказавшейся сейчас с ним за одним столиком, но она отметала от себя такие мысли. Недалеко от них – за другими столиками сидели более молодые, более красивые, наверное, более богатые мужчины со своими спутницами – тоже красивыми, нарядными и смелыми, привыкшими к мужскому вниманию.

Ира не смотрела по сторонам. «Получай удовольствие», – говорила она себе. Со стороны они выглядели на редкость гармоничной парой: сидящий мужчина, который гладил и ласкал взглядом свою спутницу, и красивая женщина с голыми плечами, с замысловатой прической, тонкими смуглыми руками.

– Тебе здесь нравится? – спросил Антон, дотрагиваясь до ее руки.

– Да, очень, – рассеянно проговорила Ира.

– Ты любишь бывать в таких местах?

– Не знаю. Я не часто бываю в таких местах.

– Почему?

Ира улыбнулась. Ей не пришло в голову сказать, что деньги, которые он заплатит за ужин, равнялись ее месячной зарплате.

– Я уверен, что у тебя много поклонников.

Провокационное утверждение. Она не соглашалась и не возражала. Просто смотрела на него. Улыбалась и молчала.

– Или я не прав?

– Тебя это действительно интересует?

- Конечно!
- Почему?
- Или, может, тебя мучает какая-нибудь неразделенная любовь?
- Ира опять улыбнулась.
- Какая-нибудь? Нет, наоборот.
- Как это?
- Меня мучает отсутствие неразделенной любви.
- Наверное, ты не знаешь, как это страшно.
- Не знаю.
- Конечно, с твоей красотой тебя все любят.
- За красоту никто не любит... Все хотят, но не любит никто.
- А ты веришь в любовь с первого взгляда?
- Я вообще в любовь не верю.

Антон поднял бокал.

– Давай выпьем за то, чтобы ты поверила... Сколько мы с тобой знаем друг друга? Никогда не говорили откровенно. Я – за полную откровенность. Часто люди хотят одного и того же, но женщина считает своим долгом сказать «нет». Да еще в такой форме, что потом не знаешь, как к ней подступиться. Отшивает, одним словом. Мне кажется, ты – не такая.

– А какая?

– Я тебе сейчас расскажу. А ты меня поправишь, если я буду неправ. Какие мужчины тебе нравятся?

- Ты хочешь, чтобы я сказала – похожие на тебя?
- Я хочу, чтоб ты сказала правду.
- Это прозвучит слишком самоуверенно.
- Тебе не мешает немного самоуверенности.
- Хорошо. Умные. Намного умнее меня.
- Хороший ответ.
- Ты – один из них.
- Правда?
- Да...

Помолчали.

– Что еще ты хочешь узнать? Ты, кажется, хотел мне рассказать обо мне? О том, что ты обо мне думаешь?

– Я думаю, что, если бы сейчас я стал признаваться тебе в любви, ты подняла бы меня на смех.

– Правильно.

– Ты предпочитаешь, чтобы тебе прямо говорили, что от тебя хотят. И боишься этого. И когда тебя приглашают в постель, ты делаешь вид, что не понимаешь, о чем речь.

– Откуда ты знаешь? Ты же еще не приглашал меня в постель?

– До сегодняшнего вечера я был уверен, что ты поведешь себя именно так, как я описал.

– Пока еще не знаю. Но к концу вечера все должно проясниться, правда?

– Наверное.

– Еще я мог сказать, что тебе с мужчинами не везло. Им нужно было что-то попроще. Я удивляюсь, что ты, при таком опасном сочетании необычной красоты и необычного ума, вообще вышла замуж.

– Я вышла замуж за человека, который не видит ни того, ни другого.

– Почему же он женился на тебе?

– Наверное думал, что влюбился. А оказалось, что внутри у него – только он сам, собственной персоной, и его проблемы.

– А почему ты вышла за него?

– А я всегда нравилась мужчинам намного старше себя. Когда мне было 17, за мной ухаживали тридцатилетние. Когда мне было 20, на меня смотрели те, кому за 30. Я была очень скучная и серьезная.

Ира засмеялась.

– В компании сверстников я чувствовала себя как белая ворона. Мне приходилось дурочкой прикидываться, чтобы кому-то понравиться. Вместе с тем, я знала, что всю жизнь так ломать себя не смогу. Встретила Эдика и поняла – вот человек, с которым мне не нужно притворяться.

– Это уже много.

– Это много, но недостаточно для счастливого брака. Сейчас я почти уверена, что женщины, которых считают счастливыми, всю жизнь притворяются и ломают себя. Я очень долго хотела отдать ему больше, чем он мог взять. А потом мне стало все равно.

– Но мужчин у тебя было мало.

– Да.

– Сколько?

Ира рассмеялась.

– Думаю, гораздо меньше, чем у тебя женщин.

– Ну о моих женщинах мы поговорим потом. И все-таки?

– С мужем – трое.

Антон улыбнулся. Ее прямота и откровенность подкупала. И вместе с тем... Женщина не делает таких признаний, если собирается провести ночь с мужчиной. Или делает?

– Ты никого из них не любила?

– Никого.

– Зачем же тогда...

– Хотела узнать, как это бывает с другими.

– Ну и как?

– Да никак. Поняла, что это не для меня – переспать с кем-то, чтобы поставить галочку. Загнуть палец?

Антон замолчал. Разговор вышел за рамки, определенные им для себя. Теперь он уже не хотел сильно углубляться в эту тему, чтобы к концу ужина она не сделала вывод, что ей нет смысла загибать еще один палец и присоединить его четвертым к списку мужчин, которых она не любила.

Ира с интересом посмотрела на него. По дороге сюда она давала себе слово быть глупенькой, покладистой, легкомысленной и очаровательной. Такой, какой должна быть девушка на случайном свидании со старым приятелем. И не смогла. Вот и он уже не знает что делать, как продолжить разговор.

– Ну что ж, выпьем за твоего четвертого мужчину? – Антон поднял бокал и посмотрел ей в глаза.

– За тебя, – просто ответила она.

– Ты поражаешь меня, – Антон покачал головой, – Что я должен сейчас сделать?

– Вот это – по-мужски, – Ира насмешливо окинула его взглядом, – Окей. Ты должен посмотреть на часы и сказать, что мы уже очень долго здесь сидим, что ты купил эскиз кисти Ренуара и повесил у себя в спальне. И очень хочешь его мне показать.

Антон смотрел на нее ласково, но настороженно. Ни одна женщина не соблазняла его так странно и красиво. Или она смеется над ним?

Он решил подыграть. Посмотрел на часы.

– Мы действительно здесь засиделись.

Потом он рассмеялся.

– Только я не купил Ренуара. И у меня нет спальни. Одна комната – в роли столовой, гостиной, спальни и так далее...

Ира продолжала игру.

– Но ты же не можешь просто пригласить меня на чашку кофе или послушать музыку. Это было бы так банально. Придумай что-нибудь... Чтобы я до последнего момента была уверена, что ты пригласил меня полюбоваться видом из окна твоей столовой и гостиной.

Антон шутливо хлопнул себя по лбу.

– Придумал! Я покажу тебе свою новую кофеварку.

– Это, конечно, похуже, чем Ренуар, но... годится...

Когда они сели в машину, Антон, не зажигая света, погладил ее по колену. Ира тихо вздрогнула и замерла, откинувшись на сиденье. Он провел рукой выше, внимательно наблюдая за выражением ее лица. Она ждала чего-то, и он ждал чего-то. Они смотрели друг на друга, он – боясь показаться смешным, она – боясь показаться недотрогой или наоборот.

– Тебе нравится? – спросил он, поглаживая ее ноги.

– Нравилось, пока ты не спросил, – ответила она.

«Кажется, мне лучше молчать», – подумал Антон, но не остановился. Поцеловал ее и ощутил аромат ее духов, вкус помады, теплое дыхание... Не ощутил только ответа на свой поцелуй.

Антон завел мотор и нажал на газ. Теперь они ехали молча. Он смотрел на дорогу, изредка поглядывая на женщину, которая сидела рядом и, казалось, боялась пошевелиться.

Вот то, о чем ты мечтала. Мечтала? Да, именно мечтала.

Ты едешь по ночному городу, и вокруг тебя – тысячи огней, и машин, и реклам, и людей. Ты – избранница. Вот она – жизнь, которой ты ждала. Богатый мужчина, красивая дорогая машина, галантное обхождение, легкий флирт, многозначительные фразы... Мужчина, который пытается угадать тебя. И ты понимаешь, что он это делает не для тебя. И странно было бы ждать другого. Он все делает для себя, и это естественно. Расслабься. Дыши легко...

– Куда мы едем, – спросила она.

– Ко мне, – коротко бросил он.

Отлично! Не нужно принимать решений. Он все решил сам. Не нужно мучительно ломать голову над вопросом – соглашаться или отказываться. Он сделал выбор за нее. И она была благодарна ему. Не дал понять, что она ему нравится, а потом занял выжидательную позицию, как это делали многие другие, а просто все решил за них. Именно это ей было и нужно.

Именно это?

Да, именно это.

Чему быть, того не миновать. И не сопротивляйся.

Ира погладила его по руке. Антон удивленно посмотрел на нее, и, когда она положила руку рядом с рычагом ручного тормоза, он просто накрыл ее руку своей, и так они ехали, молча, держась за руки, думая каждый о своем.

– Ну и где же твоя кофеварка? – шутливо спросила Ира, заходя в комнату.

Антон обнял ее и прижал к себе. Сквозь плотную ткань пиджака он чувствовал ее мягкое тепло и ток, который шел от нее, независимо от того, что она делала или говорила.

Он раздевал ее медленно, наслаждаясь каждым прикосновением. Она не помогала ему, просто обнимала за шею, пряча лицо у него на плече. Умным речам и глубокомысленным замечаниям не было места в этой сцене.

В первые мгновения ему показалось, что она отстраняется от него, пытается отодвинуться, выскользнуть из его рук. Он чувствовал какую-то настроенную гармонию между ними, и этот скрытый протест удивил его.

– Что с тобой? – спросил Антон, боясь показаться грубым.

– Подожди, – прошептала она отстраняясь.

– Ты плохо себя чувствуешь?

– Нет, все хорошо.

Заглядывая ей в лицо, Антон попытался поцеловать ее, но она отвернулась, и он только коснулся губами щеки.

– Что с тобой? – спросил он уже спокойнее, – Ты устала?

– Нет, я не устала...

«В конце концов, – подумал он, – она пришла сюда не говорить о смысле жизни. Могла отказаться в любой момент. Я не насильник. А сейчас лежит со мной в постели... Что за комедия?»

– Ты меня не хочешь? – спросил он, когда Ира села на кровати. Он видел только ее бледную спину и провел по ней рукой.

– Не знаю...

– К чему тогда были все эти разговоры? Зачем ты сюда приехала?

– Не знала, что так будет

– Я что-то сделал не так?

– Ты все делал просто замечательно. Дело во мне. Я сама себе не рада.

– Ирка, – он сел рядом с ней, – Женщина должна уметь отдаваться эмоциям. Не думай сейчас ни о чем. Есть только ты и я.

Она устало посмотрела на него и опустила глаза.

– Тебе сейчас нужна просто женщина, да?

– Ира, не время сейчас выяснять. Зачем ты так все усложняешь? Мне нужна ты.

Чувствуя, что желание пропадает, он встал с кровати, но понимая, что выглядит слегка нелепо, расхаживая голым перед женщиной, которая вдруг решила выяснить, насколько она ему нужна, он снова сел на кровать так, чтобы не касаться ее.

– А зачем все так упрощать? – спросила она.

Антон разозлился.

– Ты помнишь, что ты говорила в ресторане?

– Я болтала Бог знает что... Просто болтала.

– Ну значит я не понял... И что теперь?

– От тебя зависит, – тихо прошептала она.

– О, Господи, – простонал он, закрывая ей рот поцелуем, практически, только для того, чтобы она не сказала больше ничего, что могло бы его остановить. Хватит, в конце концов, так уж заботиться о том, что ей нравится, а что – нет. Сроду не угадаешь. Довольно! Он обрушился на нее всей силой своего желания, они сплелись в приятной борьбе и... быстро скатились вниз с этой блаженной вершины. Обессиленные и опустошенные.

Потом наступила реакция. Ира сидела на краю постели, обхватив голову руками. «Как будто девственность потеряла», – раздраженно подумал он.

– Сделать тебе кофе? – спросил Антон.

– Нет, спасибо... Ты отвезешь меня домой?

– Хорошо.

Он взял свою одежду и вышел из комнаты. Когда он вернулся, Ира была уже одета. Красивая женщина. Как с картины художника. Смотрит виновато...

– Я не хотела все испортить...

– Не думай об этом. Все было прекрасно.

В машине они молчали.

– Я позвоню тебе, хорошо? – спросила Ира, когда они остановились у ее дома.

– Конечно, я буду ждать, – ответил он, целуя ее на прощанье.

«Загни еще один палец, милая, – думал он с горечью, проезжая по ночному городу, – Хорошо хоть обошлось без истерики. А ведь могла бы обжечь... Но не обожгла. И не согрела.

Нет, милая, ничего у нас с тобой не выйдет. Тебе не мужчина нужен, а статуя. Или словарь фразеологизмов. А с живым мужиком тебе делать нечего...»

«Еще один вечер, о котором я не буду вспоминать на старости лет, думала Ира, засыпая, – Еще один мужчина, который ни в чем не виноват. Так что тебе, милая, нужно?»

На этот вопрос она так и не ответила.

Следующий день начался с раздумий на тему о чувствительности.

«Человек, который крепко спит, никогда не поймет человека, который спит чутко. Он может принимать этот факт головой, разумом, считаться с этим: не шуметь, не разговаривать громко, не включать свет – одним словом, уважать чувства другого, но он никогда не поймет его на 100%, потому что он чувствует по-другому. И тогда возникает искреннее: «Да что ж я такого сделал? Я и так говорил шепотом!». И получается – то, что для одного – шепот и ущемление прав, для другого – грохот и бессонница.

То же самое можно сказать о фразе «не делай из мухи слона». Для начала, определимся что для вас муха, а что – слон...»

Размышляя об этом, и, конечно же, в своих размышлениях имея в виду своего мужа, симпатичная молодая женщина шла по любимой улице своего родного города, но ни яркие плакаты, ни звенящие фонтаны, ни разноцветные витрины, ни шумный людской поток, не могли оторвать ее от невеселых мыслей.

Есть люди, который любую рану считают царапиной. Их называют бесчувственными или терпеливыми, холодными или самоотверженными – все в зависимости от ситуации. И, нужно сказать, что иметь с ними дело гораздо удобнее и приятнее, чем с теми, кто думает наоборот. То есть любую царапину считает раной.

Особенно это заметно в мужчинах. Им сама природа приказала быть сильными и мужественными, в то время как в реальной жизни они, как и женщины, как и любые другие живые существа, бывают всякими: слабыми и капризными, мелочными и ханжами, трусливыми и злыми. И, как правило (подчиняясь общим законам рода человеческого), свои царапины они часто считают ранами, а чужие раны кажутся им – ах, какая ерунда – царапинами.

Именно так: вот с таким дамско-жеманно-манерным «ах!».

Мужчины оглядывались на нее, но она знала, что этим все и закончится – с ней не знакомились на улице. Для этого она была слишком серьезной и, пожалуй, слишком красивой.

Ира зашла в кафе, чтобы выпить чашку кофе. В очередной раз удивилась тому, что чашка кофе сегодня стоит столько, сколько стоило пять автомобилей шесть лет назад – в буквальных цифрах. И... не отказала себе в удовольствии посидеть в тишине и прохладе и поговорить с собой, единственной собеседницей, которой были интересны ее взгляды на жизнь.

Ей хотелось посидеть в одиночестве и подумать о себе, но не пожалеть себя, а просто все разложить по полочкам. «Реши, в конце концов, – говорила она себе, – муж он тебе или не муж».

«Если бы он сам решил в конце концов, – думала Ира, – муж он мне или не муж».

Если бы он решил это для себя, и твердо сказал ей о своем решении, если бы он предпринял что-то сближающее их или, наоборот, разделяющее, ей было бы легче: тяжесть принятия окончательного решения не ложилась бы только на нее. Но он ждал чего-то. Звонил. Приходил. Молчал. Пытался лечь с ней в постель, и, получая отказ, уходил обиженный, а на следующий день снова находил повод позвонить.

Если бы не эти проклятые деньги, которые в их семейной жизни приходилось ставить во главу угла! Если бы можно было думать о нем, возможно даже оценить его, не учитывая того факта, что все держится только на ней и, если бы она не работала, то им просто нечего было бы есть. Если бы можно было закрыть глаза на его медлительность и равнодушие, и видеть только положительные качества – неприхотливость в быту, мягкость, готовность помочь!

Но так не получалось. Память услужливо подсказывала эпизоды из нескольких лет совместной жизни, когда в самые трудные моменты его не было рядом, а если он и был рядом, то... беспомощно разводил руками и ничего не мог предпринять.

А еще эта его противная черта: делать что-то для себя, но выставлять это таким образом, как будто он старается для других. В частности, для нее.

Ира закурила.

Когда-то давно, лет десять назад, один из бывших приятелей сказал ей: «Тебе это не идет. Курить – это занятие или (если хочешь) порок деловых или роковых женщин. А ты – женщина милая». Тогда ей нравилось считать его своим возлюбленным, хотя до постели у них так и не дошло. «Я была такая юная и гордая», – думала Ира, вспоминая этого парня. А на самом деле, наверное, она была тогда просто трусливая и глупая. Он настаивал ровно столько времени, сколько ему хватило понять – тут он ничего не получит, все так и кончится умными разговорами и глубокомысленными взглядами.

Сейчас она курила много и небрежно, уже не думая о том, соответствует ли это ее имиджу. Окружающие мужчины относились к этому спокойно: такая женщина имела право на прихоти, на капризы, на пороки, на возможность быть собой. И только некоторые из них понимали, что сама она не признает за собой этих прав и только мучается от того, что не может ими воспользоваться.

И лучше об этом не думать, не копаться в себе, не искать причин, почему ты такая, а не другая. Счастливы те, кто не роется в себе?

Как там у Колина Маккалоу? Как там у тех, кто поет в своем терновнике? Каждый поет свою песню? Хорошо, прожив эдак лет девяносто, сказать себе – я отлично исполнил весь репертуар, не сбился, не сфальшивил, не перепутал слова и музыкальные знаки. А в молодости ты и сам не знаешь что тебе петь, о чем петь, кто будет тебе аккомпанировать и где она твоя песня и есть ли она – твоя – вообще.

А что делать, если молодость (и, соответственно, как говорят умные люди, глупость тоже) затянулась и до тридцати лет ты так и не решила, что именно тебе нужно в жизни? Что делать, если муж пожимает плечами на твои вопросы о дальнейшей жизни и стремится перевести разговор на другую тему, чтобы не «нарваться» в очередной раз на буйное выяснение отношений? И он даже не понимает, что слезы и скандалы давно уже закончились и это... намного страшнее, чем самые нелепые ссоры и выяснения...

Безалаберный, бестолковый и амбициозный... Ужасный коктейль!

Если знакомые считают тебя красивой и неприступной и спрашивают тебя «Как дела?», а потом, не дождавшись ответа, начинают говорить о другом, если мужчина, который пытается ухаживать за тобой, не решается прямо сказать, чего же он хочет, если родные жалеют тебя, считая, что при твоей внешности и уме, ты могла бы блистать, но вместо этого жизнь тебя сломала, если ты вынуждена работать с утра до вечера, чтобы прокормить... семью, которой у тебя, как будто, уже и нет,... то, рано или поздно, ты все равно задумаешься, кто еще виноват во всем этом и, наверняка, найдешь кого обвинить.

Но главное для тебя – найти и свое место на скамье подсудимых, определить степень своей вины и исправить хотя бы то, что можно исправить и что зависит от тебя.

Кофе оказался густым и обжигающе горячим.

За соседним столиком сидели две подружки – молодые, нарядные, веселые. И Ира уже без боли, без сожаления, без досады, но с какой-то ироничной грустью, подумала о том, что так и не воспользовалась ни своей молодостью, ни своей красотой, ни своим умом, чтобы взять что-то от жизни, что то лежащее совсем рядом. Что-то... известное вот этим двум девчонкам – не очень красивым, не очень умным (судя по некоторым словам), и даже не очень воспитанным (судя по громкому смеху).

Ира встала и пошла к выходу. Солнце блестело на крышах домов, не просохших еще от ночной росы, и, глядя на сверкающее вокруг великолепие, она с надеждой сказала себе: «Все еще может быть хорошо. Все самое лучшее должно быть впереди. Нужно только подождать! Вон как все легко у Маринки, у Оли... Как все легко! Так и у меня должно быть.».

Глава 2. Середина 90-х. «А может, мне просто все надоело?»

Когда у мужчины двое детей и достаточно денег, ему необязательно оставлять семью, если вдруг красивая и весела жена ему наскучила. «Не пытайся убедить себя, что идешь туда только за новыми ощущениями», – говорил себе Виктор, шагая к Анжеле, – новые ощущения можно получить и с женой – только свистни. Она готова заниматься любовью, едва уложив детей спать. В ванной, на кухне, на столе...»

А Анжела... Ах, Анжела...

Анджела!

Да, что-то пахнет итальянской мелодрамой, как в «Браке по-итальянски». Даже имя то же. Те же волосы – густые прямые длинные. И та же любовь: «Ах, если узнает отец, он убьет меня!».

«Но пока ее родители в отъезде, она приглашает меня домой и принимает как... Как кого? Похоже, она влюбилась не на шутку. Эта застенчивость, лукавство, милое кокетство, неопытность... Восемнадцать лет – это не тридцать. Забавно: то, чего многим мужчинам не хватает в браке – авантюры, бесстыдства, кокетства – у меня навалом в семейной жизни. Как там Лена признавалась после третьего бокала шампанского? Жена должна быть шлюхой в постели, иначе муж потянется к другим...»

Она исповедовала именно это и каждую ночь, каждый вечер и каждое утро пыталась быть для него не только женой, но и любовницей. Она умела все делать красиво и разнообразно. Как могло это уместиться в одной женщине? Всего десять минут назад она стонала и извивалась в его объятиях, вслух описывая что он делает и что она хотела бы почувствовать, но вот десять минут прошло, и она будит детей: «Быстренько встали, умылись, бегом завтракать... Не размазывай кашу по тарелке. Не встанешь из-за стола пока все не съешь!»

Лена подмигивала мужу во время завтрака, а под столом ее рука гладила его.

Днем она звонила мужу на работу и, если была одна в комнате начинала флиртовать шутить.

– Ленка, ты что, пьяная? – возмущался Виктор, – У нас параллельный телефон.

– Пусть слушают и завидуют, – смеялась она, – Ты же с женой говоришь!

Иногда ночью, когда она начинала его ласкать, а он чувствовал себя уже выпотрошенным и опустошенным, она не обижалась, не насмехалась, а говорила: «Ладно, спи, неотразимый мужчина», целовала ласково и позволяла уснуть.

Идеальная жена!

Наверное, если бы у Виктора было желание поговорить с кем-то о своей интимной жизни, многие позавидовали бы ему. Как завидовали их дружной семье, уютному дому и беспроblemным характерам. Ленка была именно такой: «Проблема? Ну и фиг с ней! Решим!» Но у Виктора не было ни малейшего желания говорить с кем-то о постели или хвастаться талантами Лены. У большинства друзей личная жизнь была не устроена, и он хорошо знал, что именно нужно беречь.

«Если ты заведешь любовницу, я тебя прошу, – Лена внимательно присматривалась к нему, – Но лучше не заводи. Скажи просто, что именно тебе не хватает, и все получишь!»

«Мне всего хватает, милая, – шепнул тогда он, а мысленно добавил: – Некоторых вещей даже в избытке».

Лена была хорошей женой и – главное – настоящим другом. Все женщины, которых он знал до Лены, так или иначе, мучали его, и в молодости у него начала складываться своеобраз-

разный комплекс страдалца. От каждой новой любви он ждал: вот еще немного и она начнет меня обманывать, еще немного и будет унижать, еще чуть-чуть и ей станет скучно со мной.

Встреча с Леной развязала этот комплекс. «Мы с тобой очень подходим друг другу, – говорила Лена, – Ты – лучше всех, и я – лучше всех. Что еще нужно?» Она, конечно, шутила, но была и правда в ее утверждениях. Они даже были немного похожи друг на друга – светло-волосые, темноглазые, спортивные.

Говорят, что, если мужчина и женщина долго и счастливо живут вместе, они становятся похожими друг на друга. А Виктор с Леной начали с этого – следовательно собирались жить долго и счастливо.

Когда маленькой Леночке было два года, Лена забеременела во второй раз. «Вы что, с ума сошли? – говорили хором родители, знакомые и родственники – все, кто, так или иначе, знал об их скромных доходах и предчувствовал последствия бушующей в стране перестройки.

Виктор был в растерянности, но Лена – трезво и спокойно, как и все, что она делала в жизни, сказала: «Мне плевать на их нытье. Мы с тобой должны решить, как быть. Я считаю – справимся. Леночка не должна расти эгоисткой. Кому ж и рожать, как не нам с тобой? Посмотри вокруг – одни разводы и разлады. Я считаю, что продержимся. Но вообще – как ты скажешь, так я и сделаю».

О, как он восхищался ею в тот момент! Через несколько недель все, кто обвинял их в сумасшествии и легкомыслии, начали говорить друг другу спокойно и даже с завистью: «Серовы решили еще одного завести. Наверное, могут себе позволить».

Как оказалось, все зависит от того, как представить.

Легко и весело, как все делала Лена в жизни, она родила дочку Женю, и также просто и почти без обычных в этих случаях проблем, они растили двух малышей, не стесняясь того, что Женя донашивает Леночкины колготки и пижамы.

Как-то незаметно, преодолев мелкие неприятности и сохранив доброе отношение друг к другу, они «стали на ноги», как говорится, выправились и превратились в достаточно обеспеченную современную семью – Леночка ходила уже в первый класс (в семье, чтобы не путать, дочку звали всегда Леночкой, даже когда ругали), Женя – в детский сад. Все они были хорошо одеты, вполне здоровы, умели отдохнуть и развлечься, и со стороны казалось, что это абсолютно благополучная семья. А может ли семья быть абсолютно благополучной?

То, что почувствовал Виктор примерно год назад, а Лена начинала видеть сейчас, какую-то пресыщенность, обыденность своего стандартного счастья – еще не чувствовали их знакомые и друзья.

«Может, мне просто все надоело? – спрашивал себя Виктор, – Все просто надоело. Имею право? Еще месяц, и я, кажется, завою. Мне тридцать два года, а впереди... Неужели только эта квартира, стандартный отпуск, школьные задания и одна женщина... Пусть самая лучшая, но... одна.»

Виктор вспомнил, как кто-то из друзей шутил: «Когда мне говорят, что любовь должна быть одна на всю жизнь, мне всегда хочется спросить: на всю жизнь – пожалуйста, но почему одна?»

Однажды позволив себе провести в гостинице пару часов с сестрой друга, которая три месяца не видела своего мужа, Виктор успокоился. Никому хуже не стало. Он никого не заставил страдать. Никому не сделал больно. Женщина ни на что не претендовала, только попросила позвонить еще как-нибудь, потому что ей все понравилось.

Лена ни о чем не знала. Друг, сестра которого, была непосредственной участницей событий, не вспоминал о происшествии. А, может быть, тоже не знал.

И все было прекрасно. И денег, и сил, и времени хватало. И совесть не мучала.

И всем было хорошо – и Виктору, и Лене, и тем женщинам, которые были у Виктора в тот момент. Всем было хорошо. Одним – от своего неведения, другим – наоборот, от осознания своих поступков, риска и безнаказанности.

Анжела появилась в его жизни почти случайно. Как-то прогуливаясь с другом по парку, они пристали к двум зеленым девчонкам, даже не думая о каких-то отношениях, – просто пошутить, позубоскалить, похихикать, поесть мороженого. Девчонки оказались смешными и смышленными – одно удовольствие. Не строили из себя чопорных недотрог, но и не вешались на шею. Друг положил глаз на ту, которая была побойчее, поразговорчивее, А Виктору досталась Анжела, более серьезная, с опущенными глазами и детским голосом.

Девчонки пробродили с ними до темноты и попрощались. И всем казалось, что на этом все и закончится, но ровно через неделю они опять случайно встретились в том же парке – то ли Виктор с другом зашли туда в надежде подцепить какую-нибудь болтливую компанию, то ли девчонкам льстило внимание взрослых парней, но встреча состоялась и они начали гулять все вместе. Сначала – вчетвером, а потом – по парам.

Процеловавшись с Анжелой – такой пылкой и юной – в каком-нибудь подъезде, Виктор шел домой, где Лена заканчивала удовольствие, используя весь свой опыт и фантазию. И, возможно, встречи с Анжелой в скором времени и прекратились бы, так как Лена по-прежнему была и близкой, и желанной, но, неожиданно, Виктор поймал себя на мысли о том, что, лаская Лену, он продолжает думать об Анжеле. Он просто делился на две половины. Объятия Лены приносили удовольствие, но где-то внутри ему хотелось, чтобы то же самое сейчас делала другая. Причем, не просто новая женщина, с отличным от Лениного темпераментом, а его новая подруга Анжела, которую он целовал пару часов назад и с которой дальше поцелуев пока дело не доходило.

Анжела волновала его. Как будто маленький ребенок очутился у него в руках. Лаская ее, он иногда думал, что хорошо было бы затащить ее куда-нибудь в темное место, поставить так, как ему удобно, и сделать все, чего он хотел. Но Виктор тут же обрывал себя: пусть сама захочет быть со мной – время придет, и все будет в лучшем виде.

Так и получилось. Время пришло?

Теперь он приходил к ней домой и чувствовал себя героем Марчелло Матространи из того же «Брака по-итальянски».

– Солнышко, ты ничего не хочешь мне сказать? – спросил Виктор, заходя в квартиру и прикрывая за собой дверь.

– Нет. О чем ты? – Анжела широко открыла глаза. Она принарядилась к его приходу. Нарядная, ароматная, теплая прижалась к нему.

– А почему ты так строго разговаривала со мной днем, когда я звонил?

– Родители были дома. Я вообще не могла говорить. Они, кажется, догадываются, что ты ко мне приходишь.

– Я?

– Ну я сказала, что ко мне приходили ребята из группы.

– Вряд ли я сойду за студента.

– Ну нужно же было что-то сказать?

– Может мне не нужно приходить? Давай встречаться где-то еще?

– Где? – простодушно спросила она.

Вот именно, где? Для регулярных встреч в гостинице нужны деньги, которых у него не было в данный момент. В фильмах в такой ситуации тут же появляется какой-нибудь друг, уезжающий за границу и предоставляющий парочке ключи от своей квартиры. У Виктора такого друга не было. Да и он сомневался в том, что домашняя избалованная инфантильная Анжела пойдет в гостиницу или чужую квартиру для того, чтобы мимоходом переспать с ним и вернуться домой.

– Я придумаю что-нибудь, хорошо? – ласково сказал Виктор, обнимая ее, – Смотри лучше, что я тебе принес.

Он достал из дипломата бумажный пакет и с гордостью Деда Мороза высыпал его содержимое на стол. Рассыпались сладости, воспетые телерекламой – Mars, Snickers, M&Ms. Анжела любила сладости, и он с радостью дарил ей модные конфеты. Ее желания так легко было осуществить!

– Ой, какая прелесть! – Анжела повисла у него на шее, – Ты снисходишь ко всем моим слабостям? Это из Мопассана, кажется «Милый друг».

– Там были, кажется, бисквиты, – прошептал Виктор, начиная ее раздевать. Родители должны были вернуться через несколько часов, а Анжела позволяла себя любить неторопливо.

С тех пор, как он впервые пришел в эту комнату, прошло несколько месяцев. Он уже смутно помнил их первую близость. Помнил только, что после всего в нем бурлила радость от того, что Анжела отдалась именно ему – первому мужчине в своей жизни. И небольшое разочарование. Она была такой неопытной! Стеснялась, вздрагивала не по делу и закрывала руками пылающее лицо.

– Я хочу, чтобы та меня всему научил. Я хочу, чтобы ты любил только меня. И для этого ты должен мне все показать, – шептала Анжела, кокетничая с ним во время второй встречи. Она старательно выполняла все, что он хотел, и с серьезным видом спрашивала: «Вот так? Или так?» Глаза ее при этом загорались каким-то лукавым блеском и в сочетании с детским ртом и младенческим румянцем, ее обольстительное бесстыдство возбуждали его едва она расстегивала одежду.

Виктор был готов просто съесть ее. Грудь у Анжелы была маленькая и упругая, талия и бедра – стройные, но не худые. Некоторые повадки выдавали в ней вчерашнего подростка, но стоило ей раздеться, как движения приобретали плавность и женственность, она теряла свою скованность, и Виктор чувствовала, что женщина переполняет в ней все остальные сущности.

К своему удивлению, Виктор открыл в ней еще одну истину: она была доброй. Анжела не только не желала и не причиняла зла никому, но еще и не могла спокойно слышать о каких-то злодействах или преступлениях.

Привыкнув в молодые годы бороться с женщинами, считая, что чем больше она тебя мучает, предает и капризничает, тем полнее потом удовлетворяет, Виктор неожиданно понял, что Анжела, не стремясь к лидерству ни в чем, заставляет его прислушиваться к себе.

– Ну как мой малыш сегодня учился? – спросил Виктор, опускаясь к ней на кровать и медленно стягивая с нее платье.

– Хорошее начало, – засмеялась Анжела, – Вам как? Тезисно или с подробностями?

Виктор тоже засмеялся.

– Я хочу тебя.

– Я – твоя, – шепнула Анжела.

Зазвонил телефон.

– Не вставай, – шепнул Виктор, не в силах оторваться от нее.

– Ну как же? Ты что? – легко выскользнув из его рук, и уже не как неискушенная девушка, а как женщина, стремящаяся понравиться еще больше, покачивая стройными бедрами, Анжела подошла к телефону и взяла трубку.

– Я слушаю.

Виктор вытянулся на кровати. Напряжение не проходило, и он еще больше растравлял себя, наблюдая за ней и прислушиваясь к тому, что она говорит.

Анжела говорила вежливо, но лицо ее пылало.

– Да, папа, хорошо. Не волнуйся и не спеши. Задержишься – ну что ж... Ко мне девочки из группы придут. Даже хорошо, что вас нет дома. Ну папулечка не обижайся. Я же уже взрослая...

– Мамочка и папочка задерживаются, рассмеялась Анжела, подходя к Виктору.

– Наконец-то ты вспомнила, что тут тебя ждет голодный, как волк, мужчина.

– А я и не забывала. Я специально хотела, чтобы он еще больше проголодался.

Виктор притянул ее к себе, и Анжела с тихим стоном упала на него.

Через полчаса они, уже вполне успокоившиеся, лежали рядом и перебрасывались ничего не значащими фразами.

Виктор давно заметил, что любое слово, сказанное до близости с женщиной, всегда воспринимается многозначно. Начинаешь анализировать: «А что она имела в виду?». Слова или приближали приятные моменты или отдаляли их, но были связаны с ними неразрывно.

Вместе с тем, все слова, которые ему говорили женщины после секса, проходили мимо его ушей – будь то заверения в неземной страсти, или упреки, или даже слезы – все это было по важности на уровне разговоров о погоде.

Иногда он даже думал, анализируя некоторые фразы: «А если бы она сказала мне это до того, как легла со мной? Что бы я сделал? Сразу же взорвался? Не успела бы и вздрогнуть? А сейчас – просто слова, слова, слова...»

Анжела что-то шептала ему на ухо. Что-то о своей любви. Он почти не слышал ее, лениво поглаживая по бедру, когда смысл отдельных фраз начал доходить до него.

– Витя, послушай, а твоя жена знает, что я у тебя есть?

Он повернулся к ней.

– Зачем ты об этом спрашиваешь?

– Ну я, например, знаю, что у тебя есть жена, есть дети, и это... Понимаешь, я не могу быть к этому безразличной. Я не могу не принимать это в расчет. Ты же никогда их не оставишь?

Виктор молчал. Не хотел врать.

– Никогда? – еще раз спросила Анжела.

– Пока не подрастут Леночка и Женя. Не смогу. Мы же с тобой об этом говорили! Ты же знала, что это так!

– Да, знала. Знала, что ни на что не могу претендовать. Но... Мне так хорошо с тобой, что даже страшно иногда. Я сама себя боюсь.

– Почему?

– Ты ее не любишь? – Казалось, что Анжела приподнялась над кроватью – столько надежды было в ее вопросе.

Не люблю?

Что значат слова?

Два слова, сказанные в постели...

Кто в такой ситуации может разобраться, кого он любит, а кого —нет?

Но, если женщина, лежащая с тобой в одной постели, спрашивает любишь ли ты свою жену, ответ выбирать не приходится.

– Я буду ждать тебя, сколько ты захочешь. Хоть до сорока лет, – шепнула Анжела, – Только не бросай меня, ладно?

– Я никогда тебя не брошу, сказал Виктор вслух, прижимая ее к себе.

Но, в то же время, подумал: «Через год-два ты захочешь замуж и начнешь ставить условия – или я или она. А выбора-то и нет, если хочешь выбрать и то, и другое. Если бы с Леной связывал только долг, то... Бог с ним, с долгом. Всех долгов все равно не выплатишь. Но... Не заслужила Лена, чтобы ее бросали. Да и я не хочу уходить от нее. А уж Леночка с Женей...»

О, Господи, лучше не думать об этом. Может, как-то все само собой решится? Главное – не торопить события. Жизнь – она мудрая, она сама расставит все по своим местам.

Виктор повторил вслух свои мысли о жизни, немного боясь, что Анжела сочтет его безвольным и бескрылым, но она не слушала его, водила языком по его губам.

Глава 3. Середина 90-х. «Там ничего серьезного»

Женя, наконец, уснула.

Виктор посмотрел на Лену, и сердце его сжалось от жалости, которой он никогда к Лене не испытывал. Она всегда казалась ему достаточно сильной и уверенной в себе. Сейчас темные круги под глазами придавали ее лицу какое-то затравленное выражение, и она казалась старше своих лет.

В полурасстегнутом халате, из-под которого выглядывала сорочка, она стояла над детской кроваткой, боясь снять прохладную руку с горячего лобика Жени.

– Присядь, отдохни немного, – сказал Виктор, обнимая ее и отводя от кровати, – А лучше – приляг. Она, может еще проснется, будет тебя звать. Я разбужу.

– Я не засну, – устало проговорила Лена, но послушалась. Села на край дивана, безжизненно сложив руки на коленях. Непонятное, неизведанное ранее чувство к ней – не к женщине, которая спала с ним, а к матери его детей – абсолютно без намека на какую-то сексуальность – поднялось в нем к Лене, к ее усталым рукам, потухшим глазам и безвольному лицу.

– Леночка, приляг, – он положил ей под спину подушку, – все будет хорошо. Это же просто грипп. Он по всему городу ходит, у всех температура по несколько дней... Нужно просто время.

Ему даже страшно было слышать свои слова, обращенные к жене, которая всегда говорила: «У всех дети болеют... Ничего страшного, перерастет...» или «Сопли – это не болезнь. Ничего, акклиматизируется». Ему всегда казалось, что эти рассуждения говорят о том, что Лена прохладно относится к детям – без лишнего «визга» – и это даже нравилось ему. Но сейчас он заметил, что те ее слова были лишь частью того, что было у нее внутри на самом деле. И вот настал момент, когда, говори-не говори, а по лицу твоему видно, как ты переживаешь.

– О, Господи, – Лена уронила голову на руки.

– Леночка, я же с тобой, я же рядом, мы все переживем, – успокаивал он ее, глядя по голове.

– Спасибо тебе, – неожиданно взяв себя в руки, Лена тяжело вздохнула.

– О чем ты говоришь? – он опустил перед ней на колени, – Это же наши дети. Твои и мои. Не мучайся так, завтра температура спадет, и все станет на свои места. Пять дней, как в горячке... Ты устала. Любому дурно станет.

Лена встала и подошла к окну.

– Скажи мне, Витя, а ты где займешь свое место, когда Женька, даст Бог, выздоровеет?

– Я не понял, – Виктор удивленно посмотрел на нее.

– Вить, спасибо тебе за то, что ты был тут все эти пять дней. Я бы не выдержала.

– Ну что ты опять «спасибо»? Как я мог не быть здесь? Где я мог быть?

Лена устало подняла глаза и, теребя пояс халата, посмотрела ему прямо в лицо.

– У тебя есть где быть. Я знаю. Неужели ты даже не догадывался о том, что я все знаю?

– Что ты знаешь? О чем ты?

Лена усмехнулась.

– Не притворяйся. Мы с тобой восемь лет женаты. Я тебя очень хорошо знаю. И вижу, когда ты притворяешься.

Они помолчали.

– У тебя кто-то был?

Виктор вздохнул.

– Или и сейчас есть?

Почти непроизвольно он отрицательно мотнул головой. Ему самому было противно ощущать в себе желание подленько спихнуть все на далекое прошлое, и забыть все «за давностью лет».

– Лен, там ничего серьезного. Даже говорить не о чем.

Лена еще раз усмехнулась.

– Если бы ты знал себя год назад и теперь, ты бы так не говорил, милый. И следа не осталось от прежнего мужа...

– Разве?

– Ни капельки не осталось. Иногда думаю: где мой Витенька? Нету! Исчез. Испарился. Трется рядом совсем чужой мужик. И как звать не знаю.

– Ну что ты, Лена, – Виктор хотел как-то шумно и многословно убедить ее в том, что история, якобы известная ей, ничего не стоит, и все это сплетни, и он уже и думать забыл о том, что было, и вообще все это неправда. Но, вместо этого, спросил:

– Ты давно знала?

– Давно.

Как пойманный на месте преступления вор, страстно желающий срочно, сейчас, свалить на кого-то свою вину, и от этого теряющий чувство реальности, Виктор вдруг неожиданно резко спросил:

– Ну и что же ты молчала?

Лена с интересом подняла на него глаза.

– А о чем нужно было говорить?

– Значит, ты просто наблюдала за мной? Ждала, чем все закончится?

– Я и до сих пор жду, чем все это закончится. Ведь, как я понимаю, ничего еще не закончилось, да? И это просто перерыв из-за болезни Женьки, да? Я же все вижу. Я же сама женщина, и все понимаю. Я бы и сама так сделала. Это она тебя послала, да?

– Куда послала?

– Ну сказала: иди домой, ты там нужен, там дети, да? Ей же нужно перед тобой ангелом казаться. Представляю, как любой мужчина оценил бы такой жест.

Тут Лена ошибалась, и Виктор так обрадовался тому, что она хоть в чем-то думает о нем хуже, чем есть на самом деле, что с неожиданной искренностью он начал убеждать ее:

– Вот тут ты в корне ошибаешься. Что бы там ни было, а вы были для меня всегда на первом месте. Да, Лена, было. Я не скрываю. Раньше скрывал... – Его опять что-то подталкивало к спасительному вранью, и он опять начала запинаться и сбиваться.

– Да, раньше скрывал. Тебя расстраивать не хотел. Но знал, что это несерьезно. А теперь уже все. Так о чем говорить?

– И давно уже все? – недоверчиво спросила Лена.

– Нет, недавно, – решительно закончил Виктор.

Лена подняла голову, собираясь сказать что-то язвительное (как ему показалось), но в это время Женя зашевелилась, и они вместе, стараясь не шуметь, бросились к кровати.

– Тишшш, – прошептала Лена, трогая рукой лоб девочки, – Кажется, падает температура. Вся мокрая, вспотела, смотри...

Виктор дотронулся до воротника детской пижамы и почувствовал неприятную влажность.

– Вот и хорошо, – прошептал он.

– Ее нужно переодеть, а то она сейчас остынет в мокрой рубашке, – Лена кивнула на шкаф с одежками.

Без лишних вопросов, Виктор подошел к шкафу, вытащил сухую мягкую пижамку, пахнущую чем-то чистым и детским, и они вместе, тихо, «в четыре руки», стараясь не толкать друг друга, начали переодевать Женю, осторожно вставляя слабые сонные ручки в рукава.

– Все хорошо, все хорошо, – повторял Виктор, чтобы не молчать и продлить мгновения, когда они переодевали дочку.

– Тише, Вить, – шепнула Лена ласково и с благодарностью посмотрела на него.

И от того, что она испытывала в этот момент чувство благодарности к нему, в то время, когда он еще, на самом деле, ничего не решил и ничего не сделал для того, чтобы позволить себе принять ее прощение, Виктор почувствовал себя последней свиньей.

Девочка несколько раз вздохнула, закашлялась, но не проснулась.

Лена молча смотрела на ребенка.

– Ленка, – чуть громче прошептал Виктор, – послушай...

– Витя, ложись спать. Поговорили, и все. Всё – значит всё.

Он понял, к чему относились ее последние слова, и сжал ее руку.

– Иди спать, – сказала Лена еще раз, – я тут рядом с ней прилягу.

– Нет, ты или, а я останусь. Я буду следить, чтобы она не раскрывалась. Не волнуйся.

Лена хотела что-то возразить, но только покачала головой, погладила его по руке и, подхватив мокрую пижаму, вышла в другую комнату.

«В конце концов, я сам все затеял, сам должен и исправлять, – думал Виктор, – никто не придет и не разберется в моей жизни. Я сам должен все решить и исправить. Первая фаза решения любой проблемы – это формулировка самой проблемы... Сейчас, как будто, все разложено по полочкам, и мне все ясно. Проблема поставлена, а значит и решение найдется».

Глава 4. Середина 90-х. «Нужно быть полным идиотом»

Утром Женя проснулась с нормальной температурой. Слабенькая и капризная, она сидела в кровати и жалобно хныкала, в то время как Виктор, под какие-то прибаутки, пытался ее накормить.

Лена на кухне провожала в школу Леночку. Слышно было, как она обычным энергичным голосом командовала:

– Бутерброды съешь после второго урока. Нине Павловне скажешь, что я не приду на собрание, может быть папа придет, или на следующей неделе зайдем. Скажешь, что у нас Женечка болеет. Из школы – сразу домой. Через дорогу переходи осторожно, поняла? Нет, ты все-таки, допей чай.

– Ну как вы тут? – спросила Лена, заходя в комнату к Виктору и Жене, – Еле выпроводила эту красавицу.

– Шесть ложек съела, – доложил Виктор, отставляя тарелку.

– Ну и хватит пока. Это понятно – после такой температуры – у нее нет аппетита.

– Ну вот мы уже и улыбаемся, – Виктор наклонился к Жене.

– Витя, ты сходишь к Леночке на собрание сегодня в шесть? – спросила Лена, как ему показалось, нарочито нейтральным голосом.

– Да, конечно, – торопливо согласился он, – я с работы пораньше уйду, забегу домой, куплю по дороге все, что нужно, и – в школу. Без проблем.

– Окей, ну собирайся, а то опоздаешь.

Прощаясь с ним в коридоре, Лена, как будто нарочно, держалась от него в двух-трех шагах, словно ожидая – как же он сегодня уйдет. Как обычно, чмокнет в щеку? Или махнет рукой? Или просто бросит «пока»? Она пытливо смотрела на него, а Виктор, боясь что-то испортить каким-нибудь одним жестом или словом, топтался на пороге и не мог уйти.

Видя, что он не знает, что ему предпринять, Лена смущенно засмеялась и сказала:

– Ну ладно, я разрешаю тебя поцеловать.

С радостью он прижал ее к себе и почувствовал, как она льнет к нему каждой частичкой своего тела, а рот жадно ищет его губы. Когда они поцеловались, он, испытывая резкое желание остаться, торопливо одной рукой начал гладить голую спину под халатом, и почувствовал, как она задрожала от его прикосновения.

– Ты опоздаешь, – прошептала Лена.

– Не опоздаю.

Они любили друг друга, стоя в тесном темном коридоре, среди вешалок и детской одежды и Лена изо всех сил стискивала зубы, чтобы не вскрикнуть.

– Я приду сегодня пораньше, – шепнул он, – уложим девчонок и...

Он целовал ее на прощание десятками маленьких легких поцелуев – в нос, в щеки, в глаза, а жена, радостная и с новым блеском в глазах, выпроваживала его на работу:

– Про собрание не забудь, неотразимый мужчина...

Проходя мимо главной площади города, которая совсем недавно из площади Октябрьской революции превратилась в Майдан Независимости, глядя на залитый солнцем Крещатик и слушая хрустальный звон фонтанов, Виктор решил, что проблемы, как таковой, не существует. Наверное, он и в самом деле изменился, если Лена это почувствовала. Ведь и до Анжелы у него были другие женщины, но Лена никогда об этом не говорила.

Он вспомнил, как неделю назад, еще до болезни Жени, они с Леной предавались любви, вспомнил, как она ласкала его, и поразился – неужели она уже и тогда что-то знала? Ни разу за последние четыре месяца ему не показалось, что Лена хоть о чем-то догадывается. Или она узнала что-то совсем недавно? Или до какого-то момента ей было все равно? Или терпела?

Его желание, слава Богу, не иссякало, и, возвращаясь от Анжелы, он честно выполнял свой супружеский долг, не считая это долгом, а просто испытывая совершенно естественное в его случае желание – спать с собственной женой. Где-то подсознательно он чувствовал, что Лена не может без мужчины, и, если он будет ссылаться на занятость или усталость, она, с ее темпераментом, будет искать ему замену. Как минимум, именно так ему казалось. Он понимал, что для Лены семья имеет огромное значение, но чисто биологическое желание тоже никто не отменял. Прощая себе свои интрижки, он допускал, что Лена тоже может найти кого-то – хотя бы для забавы.

«Нет-нет, я не могу отпустить от себя такую женщину. Мы счастливы – и днем, и ночью. Что я ищу? Что мне нужно? Я же обожаю ее!» Перед глазами у него всплывала сцена их стремительной любви в коридоре. Руки у него вспотели, как будто он опять резко захотел прижать ее к себе.

«Нужно быть полным идиотом, чтобы искать что-то новое. Анжела влюблена в меня, но... это же несерьезно! Она должна справиться! Я сам должен ее оттолкнуть, чтобы не мучать. В ее возрасте, с ее внешностью, она не затоскует. А нам с Ленкой детей растить нужно, да и... Чего нам не хватает?»

Жмурясь от яркого солнца, Виктор шагал по яркой улице, и те, кто видел его со стороны, могли думать, что идет вполне преуспевающий и вполне удовлетворенный мужчина. Красивый. Молодой. Стройный.

Девушки поглядывали на него, но он, вия эти заинтересованные взгляды, не думал с досадой «поздно, девочки, на меня смотреть», а рассуждал вполне спокойно, убеждая, прежде всего себя: «Нет уж, милые, мне всего хватает. С такой женой, как у меня, мне уже не нужны ваши раздевающие взгляды и манящие улыбки. Мне всего хватает. Даже с избытком...»

Войдя в офис, который фирма арендовала на время, пока сделают ремонт в специально купленной «под офис» квартире, Виктор привычным взглядом окинул скромную обстановку нескольких небольших комнат. Среди потертых шкафов, деревянных стульев, конторских столов новая оргтехника слегка резала глаз.

Молоденькая помощница директора заученным привычным движением делала копии на Ксероксе, который был гордостью офиса.

– Morning, – поприветствовал Виктор Олю и подмигнул ей.

– Морнинг-морнинг, – Оля произнесла это с интонацией, с которой ворчливые люди говорят «доброе то оно доброе, но...», и кивнула головой в сторону кабинета шефа.

– Спрашивал?

– Нет еще. Но уже у себя. В плохом настроении сегодня. Вожжа под хвост.

Все сотрудники всегда удивлялись Олиной болтливости. «Ты пойми, – учил ее Виктор, – Секретарь должен обо всем знать, но помалкивать».

«Не учите меня жить, – снисходительно отзывалась она, – Вы тут все – с бору по сосенке, неизвестно откуда пришли, а я – по специальности»

Она, действительно заканчивала техникум по делопроизводству.

Виктор не переставал удивляться, из каких разных областей люди пришли в бизнес. Куда ни повернись, в любой фирме можно было встретить сотрудников, ранее связанных и с педагогикой, и с медициной, и со спортом, и с инженерным делом. Бизнесу нигде не учили, поэтому каждый осваивал азы как мог, опираясь только на собственную настоящую или мнимую предприимчивость.

Все занимались, в принципе, одним и тем ж: покупали по низкой цене, продавали – по более высокой. Разница была лишь в том, что одни продавали жевательную резинку и сигареты, а другие – паровозы и самолеты. Некоторые, при этом, прикрывались спасительными фразами, типа «без наших поставок завод бы уже остановился», а другие прямолинейно

заявляли: «При наших законах деньги валяются просто под ногами, нужно только нагнуться и взять»

И нагибались. И брали довольно успешно.

– Олечка, вы можете удовлетворить мой зуд?

Из своего кабинета вышел директор фирмы. Главный босс.

– Это смотря в каком месте зудит, Дмитрий Николаевич, – ответила Оля, не отрываясь от своей работы.

«Ну и язык, – подумал Виктор, кивая шефу.

– Позвони в любой банк, в валютный отдел, и узнай курс на последних торгах.

– Газеты читать нужно, Дмитрий Николаевич. Сто тридцать шесть ровно.

– Умница! Падает?

– Да.

– Это хорошо для нас, – Шеф удалился назад в свой кабинет, потирая руки.

Виктор «сел на телефон» и не отрывался почти до трех часов дня. Его работа, в основном, была на телефоне и факсе – найти продавца, найти покупателя, найти товар, проанализировать цену, провести предварительные переговоры. Инженерное образование Виктора вполне позволяло ему хорошо справляться с такими обязанностями.

Прижимая к щеке телефонную трубку, Виктор с удовольствием наблюдал за Олей – рыженькая, хорошенькая, с ямочками на щеках, в короткой белой юбке и открытой блузке, она была классическим секретарем – даже ее походка была игриво-деловитой, а с лица не сходила улыбка.

Глядя на ее туго обтянутые юбкой бедра, Виктор с досадой подумал: «Сколько бы у тебя ни было женщин, всегда найдется еще одна, способная тебя взволновать»

Оля волновала всех, но без эксцессов. Ей говорили: «Тебя все хотят». Она смеялась, покачивая бедрами: «Это полезно!».

Пытаясь поставить папку с бумагами на полку, висящую над головой Виктора, она случайно толкнула его бедром.

– Ой, извини,

– Ничего-ничего, мне приятно, – рассмеялся Виктор.

– Приятно? Ну тогда сядь как сидел. Я сейчас снова туда полезу. Еще раз будет приятно.

«Ну и язык, – второй раз за день подумал Виктор.

Впрочем... Оля много и бойко говорила, но подробности ее жизни мало кто знал. Иногда за ней заезжал на весьма неновом «Москвиче» какой-то приятель – гораздо старше ее. Но это было нечасто.

Чаше ее подвозил домой кто-нибудь из сотрудников, и на шутливые просьбы пригласить на чашку кофе, она весело отвечала: «А мне мама не велит... Мужиков водить домой...»

Несмотря на кажущееся легкомыслие, Оля была очень смышленной, быстро всему училась и входила в курс дела. Она могла часами хихикать и шутить, но, когда доходило до каких-то серьезных заданий, на нее можно положиться.

У Виктора с ней сложились веселые дружеские отношения с привкусом легкого флирта. Он иногда приносил ей какой-нибудь мелкий подарочек – шоколадку, авторучку – она шутя целовала его, а когда он пытался обнять ее или прижать к себе, Оля делала круглые глаза – «Я шефу пожелаюсь!»

Никто не знал наверняка, есть ли у нее какие-то отношения с шефом. Директор заигрывал с ней так же, как и все. Она так же шутливо отбивалась от его ухаживаний при всех, и ходили самые противоречивые мнения насчет их отношений наедине. Одни говорили: «Оля ни одних „штанов“ не пропускает. Хорошая девушка. Жаль только, что никому не отказывает».

Другие, наоборот, махали рукой – «да тут больше болтовни, чем реальных отношений».

Она шутливо соглашалась и с тем, и с другим.

– Олечка, я сегодня чуть раньше уйду, – сказал Виктор, – если позвонят из Челябинска, запиши все, что скажут, и напomini, что мы работаем только с валютой. То есть цены пусть сразу же говорят в валюте. Поняла?

– За ранний уход – пять долларов, – пошутила Оля.

– Рассчитаемся! – Виктор махнул рукой и вышел на улицу.

В середине дня его утреннее спокойствие пошатнулось. Мысли об Анжеле постоянно приходили в голову. «В конце концов, если я могу любить одновременно двух женщин, то... почему бы и нет? Лена не будет ничего знать. Я буду осторожнее. Анжеле все устраивает. Зачем что-то менять?»

Но внутренний голос шептал ему, что долго так не протянется. Он не видел Анжеле неделю – с тех пор, как заболела Женя. Как-то все просто получилось. Лена позвонила ему в офис и сказала, что заболела дочка. Он позвонил Анжеле, обрисовал ситуацию, и она все поняла правильно. За неделю она только один раз позвонила ему на работу и спросила, как Женя себя чувствует.

Сейчас, когда Женке стало лучше, он, казалось бы, должен был бегом бежать к Анжеле. Но вместо этого он ходил по магазину и поглядывал на часы, чтобы не опоздать на собрание. «Может она уже и не позвонит, – думал Виктор, – тогда все само собой сойдет на нет. Хочу я этого? Наверное, хочу, чтобы все решилось без меня». Он чувствовал себя очень неудобно.

Однако, сидя на родительском собрании и рассеянно слушая речи учительницы об учебе и поведении тридцати двух первоклассников, в надежде услышать хоть что-то конкретное о Леночке, он то и дело мысленно возвращался к Анжеле. «Прямо какое-то затмение на меня нашло, – думал Виктор, – Я же люблю ее. Я жить без нее не могу.»

– Извините, я выйду позвонить на пять минут.

Стараясь не производить шума, Виктор вышел в школьный коридор, и почти бегом бежал по лестнице вниз.

Телефонная будка стояла возле дороги, и он почти не слышал зуммера.

– Анжела! – крикнул он, когда на противоположном конце провода, взяли трубку.

– Да, я слушаю, – тихим шепотом ответила она.

– Как у тебя дела? Почему та не звонишь?

– Вы ошиблись, – Анжела положила трубку.

Виктор снова набрал номер.

– Анжела, что происходит?

– Послушай, – зашептала она, – не звони мне пока. Соседи пожаловались отцу, что ты ко мне приходишь. Он чуть не убил меня.

– Как?

– Ну не в прямом смысле, конечно. Витя, он на меня так орал. Я хотела из дома уйти. Послушай, не звони мне пару дней. Я сама позвоню.

«Каменный век, – злобно скрепя зубами, Виктор вышел из телефонной будки, – Неужели она в восемнадцать лет должна кого-то спрашивать, с кем ей спать?»

Виктор говорил, как бы, не себе, а воображаемому собеседнику, стараясь убедить его в своей правоте, но внутри он чувствовал, что ни одному отцу, даже самому современному и незакомплексованному, что женатый мужчина спит с его дочерью у него же в доме. «Бедная девочка».

Как же хотелось ему сейчас все бросить и бежать за Анжелой, забрать ее с собой и больше никогда не расставаться!

Но куда идти?

Как быть с Леной?

А дети?

На что жить? Здесь – работа, квартира, друзья...

Виктор даже вздрогнул.

Идет по улице человек. И руки его свободны. Но опутан он такими цепями, так накрепко связан, что не вырвешься. Не вырвешься из этого плена условностей, долга, жалости...

Когда Виктор подошел к школе, чтобы вернуться на собрание, он увидел, что родители уже расходятся.

Глава 5. Середина 90-х. «Ниже пояса бывает не только удар»

Оставшись в офисе вдвоем с шефом, Оля вздохнула свободнее. Она уставала за день от бесконечных звонков и беготни, факсов, бумаг мелькающих лиц и однообразных шуток. «Скорее бы в новый офис переехать, – Думала она. Там шеф обещал нормальную приемную... Еще полчаса посидит и тоже смоемся. А там уж и я...»

Бессмысленное (как ей казалось) решение сидеть в офисе до шести часов, независимо от того, есть работа или нет, Оле приходилось выполнять. Но когда шеф задерживался в офисе, ей приходилось сидеть до его ухода.

– Олечка, зайди ко мне, – послышался голос шефа, и она, привычно на ходу подхватив ручку и блокнот, мимоходом оценив себя в зеркале, двинулась в кабинет.

Дмитрий Николаевич сидел без пиджака на маленьком диванчике, перебирая в руках папки с бумагами.

– Ну садись, – он похлопал по кожаной обивке дивана, показывая ей место рядом с собой.

Оля села, стараясь натянуть юбку на колени – больше по привычке, чем от стеснения. Но юбка была очень короткой и узкой, и ее плотно сжатые колени все равно были выставлены напоказ. Оля прикрыла их блокнотом.

– Я слушаю, Дмитрий Николаевич.

– Я сейчас тебе продиктую письмо. Если успеешь – сегодня. Или завтра с утра.

Строго выправившись, Оля приготовилась писать.

– Какие же у тебя коленки аппетитные, – шеф жадно-плотоядно осматривал ее ноги.

Оля улыбнулась.

– Я пишу.

– Да подожди. Ты знаешь, про нас с тобой уже такое говорят...

– Кто говорит? Что?

– Это не ты слухи распускаешь?

– Да что вы, Дмитрий Николаевич!

– А я думаю: уж лучше грешным быть, чем грешным слыть.

Шеф, видно, хотел козырнуть своим знанием цитат из Шекспира, но Оля этого не заметила.

– Так что? Давай?

– Да что вы говорите такое?!

Оля вскочила. Блокнот упал на пол. Нагибаясь за ним, она уронила ручку. Шеф тоже поднялся и сделал шаг в ее сторону.

– Я серьезно тебе говорю. Я целый день вот сюда смотрю, – он заглянул ей за вырез блузки, – Почему та не хочешь?

Оля попятилась к двери.

– У вас что-то не в порядке, Дмитрий Николаевич?

– Мне, Олечка, ухаживать некогда. Говори время и место, где я буду тебя любить.

Не понимая до конца, шутит он или говорит серьезно, Оля решила попытаться превратить все в шутку.

– Время я, конечно, назвать могу. А вот место – это не мои проблемы...

– Конечно, зайчик мой, – он приблизил к ней свои маленькие глазки, – но мне и здесь хорошо.

Дмитрий Николаевич дотронулся до ее груди и начал расстегивать пуговицы на блузке.

– Я не могу, – Оля вырвалась и торопливо начала застегиваться, – Вы с ума сошли.

– Олечка, не надо, не порти все. Тебе работа нужна. Деньги нужны. Я могу тебе дать и то, и другое. Через месяц в Болгарию собираюсь. Будешь слушаться – возьму с собой. Не дури. Решай сама, как тебе быть. Если согласна, сто долларов к зарплате прибавляю уже сегодня.

Оля остановилась. Перестала застегивать пуговицы. Деньги, конечно, были нужны.

После того, как она рассталась с Олегом, который пробудил в ней спавшую до сих пор чувственность, у нее не было мужчин, но она хотела близости. Разумеется, не с этим откормленным боровом с дряблым пузом, что было заметно даже под рубашкой, а с другим – более подходящим по возрасту и более симпатичным. Но то, что шеф сказал про зарплату, приостановило ее желание хлопнуть дверью и уйти. Работа для Оли значила очень много.

Работу секретарем найти было несложно, но все хотели иметь в одном лице и секретаря, и переводчика, и оператора ЭВМ, а Олю в техникуме учили только стучать на машинке, да подшивать бумаги. Обращаться с компьютером она только училась. И вот за эту работу он был готов платить ей столько, сколько получает референт со знанием иностранного языка.

А кроме того... Все равно кто-то был нужен...

Дмитрий Николаевич будто прочитал ее мысли.

– И ходить далеко не нужно... Соглашайся, Олечка, – Он обнял ее за талию и прижал к своему животу, – Заскочила ко мне на минутку. Раз-два – и всем хорошо.

Видя, что она засомневалась, Дмитрий Николаевич с довольной улыбкой стал снимать галстук.

– Вот это лишнее, – сказал он, дотрагиваясь до ее трусиков.

«Он, кажется, выживает из ума», – со страхом подумала Оля.

Шеф добавил:

– Я, видишь ли, обманывать не люблю. Честно тебе говорю: плачу сполна за все...

«А, черт с тобой, – подумала Оля, – Не так, так иначе... Все равно с кем-то придется... Не худший вариант. Тем более, с Олегом все уже в прошлом. Ну что, показать шефу, что такое есть я?»

Она расстегнула молнию на юбке, стянула колготки и бросила все на диван.

Дмитрий Николаевич подошел к двери, закрыл ее изнутри и сказал:

– Сегодня разрешаю тебе раздеться полностью, а в следующий раз одевайся поудобнее. Чтобы время не тратить.

Когда она, голая, подошла к нему, она увидела, что Дмитрий Николаевич, еще полураздетый, не готов ее любить.

«Ну ладно, сейчас ты у меня визжать будешь», – подумала Оля, наклоняясь...

Зазвонил телефон.

Как примерная ассистентка, Оля оторвалась от него и хотела взять трубку, но Дмитрий Николаевич сам ответил на звонок, а ей знаками приказал продолжать. Занимаясь своим делом, Оля слышала, как он отвечает по телефону – коротко и властно.

– Да. Нет. Перезвоню, как только станет известно.

Потом для Оли все превратилось в какой-то вихрь. Руки, губы, кожаный диван, ручка на полу, которую она видела краем глаза, его тяжелое дыхание, его попытки повернуть ее в нужном направлении, то ускоряющиеся, то медленные движения, конвульсивные толчки, паутинка на цветке, папки с бумагами...

Через четверть часа все было позади.

«Хорошо хоть никто не вошел, – спокойно подумала Оля, одеваясь.

«В конце концов, девяносто процентов секретарей живет со своими шефами, думала она, шагая по улице, – Даже анекдоты такие есть И ему невыгодно рассказывать об этом никому. Жена есть. Я тоже болтать не буду. Он мне не противен. Попадется что-то получше – уйду. А пока – нечего прыгать... Откуда я узнала про девяносто процентов?»

Пятьдесят долларов, которые шеф торопливо сунул ей при прощании «за то, что ты такая умница», приятно жгли сумочку.

«Одеваться, и правда, нужно теперь поудобнее, а то чуть юбку не порвала», – рассуждала Оля, думая, что купить на эти деньги. Сумку? Туфли? Платье? Или отложить до отпуска и тогда уже спустить все подчистую?

«Что он там говорил про Болгарию? Вот был бы класс – поехать с ним за границу! В конце концов... Нужно брать от жизни все, что она дает. Работая здесь, я всему научусь. А потом уже найду себе работу, где будут платить не за короткую юбку.

Настроение ее улучшилось, и, подходя к дому, Оля уже знала, как вести себя дальше.

А Олег?

А что, Олег?

Где ты, Олег?

– Я уже стар... А ты – такая красивая.

– Ты? Стар?

– Да, Оля... Двадцать лет между нами. Мне страшно быть рядом с тобой.

– Почему?

– Потому что ты – это волшебство. Ты опутываешь меня своим очарованием. Где ты была, когда мне было 25?

– Наверное, в детском саду...

Олег рассмеялся.

– Вот за что я тебя люблю!

Он медленно погладил ее по плечу, стараясь коснуться голого, незащищенного тканью, тела.

– А ты правда меня любишь? – спросила Оля.

Олег резко встал и подошел к окну.

Оля потянулась за ним. Как виноватый ребенок.

– Послушай, я не так хотела спросить...

Олег взял пачку сигарет и зажигалку, закурил, не глядя на нее.

– Ну послушай, – торопилась она, – Не обижайся, я тебе верю. Просто так всегда говорят...

– Кто так говорит?

– Ну... все.

Он опять резко повернулся к ней.

– Кто тебе так говорил?

– Мне? Мне об этом так никто не говорил. Но... понимаешь... не обижайся...

Мужчина потушил сигарету, подошел к девушке, присел на корточки возле ее колен, сжал руки, которые она не знала куда деть.

– Никогда не спрашивай, правда это или не правда. Не подвергай сомнению то, что я тебе говорю. Я не клянусь любить тебя всю жизнь... Но сейчас, в данную минуту в моем мире существуешь только ты. От одного твоего голоса – даже по телефону – у меня мурашки бегут...

Она не подумала «ну зачем же столько пафоса, как в театре». Она не могла так подумать. Его слова не казались ей пафосными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.